

⁵⁵ Там же. С. 232.

⁵⁶ Из записок Н. А. Саблукова // Убийство императора Павла: Рассказы современников. Ростов н./Д., [1907]. С. 47–80 (Русская историческая библиотека. № 14).

⁵⁷ В основном они носят характер цензурного смягчения. Странно, что именно по этому тексту отрывок был переиздан Ф. М. Лурье: *Смерть императора // Новый журнал*. 1991. № 2 (август). С. 68–88.

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 57. Л. 100 об.–114.

⁵⁹ Единственным указанием на его гипотетическое знакомство со Щеголевым является официальное письмо с приглашением на чествование С. Н. Шубинского по случаю 25-летия «Исторического вестника» (конец 1905 г.), подписанное наряду с Б. Б. Глинским и Е. С. Шумигорским и П. Е. Щеголевым, являвшимся некоторое время помощником редактора «Исторического вестника» (см.: ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 251. Л. 1). Ничего не известно и о контактах Военского с другими создателями журнала «Былое».

⁶⁰ Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907. В последние годы это издание было дважды переиздано: в 1990 г. СП «Вся Москва» и издательским объединением «Культура» был сделан репринт, а в 1996 г. издательством «ТЕРРА» новый набор. Странно, что в обоих случаях для переиздания было избрано первое издание (1907), а не существенно дополненное второе (1908).

⁶¹ Единственное новое исправление было внесено в примечания, очевидно, с подачи Шубинского, писавшего Военскому о «крупном промахе» в биографическом примечании о княгине Ливен — в девичестве Шарлотте Поссе, а не Доротее Бенкендорф (см.: ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 797. Л. 24).

⁶² ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 108. Л. 126–126 об. (не датировано; написано не ранее конца ноября — не позднее 4 декабря [1907 г.]).

⁶³ Свет: Сборник романов и повестей. 1911. Т. 10. С. 1–76 (1-я паг.). Отд. отт.: СПб., 1911.

⁶⁴ См. примеч. 4.

Б. Ф. Егоров

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ КАК УТОПИСТ

Вильгельм Вильгельмович Берви (1829–1918), русифицировавший свое имя в виде Василия Васильевича, был сыном известного (главным образом по яростной критике Н. А. Добролюбова) казанского профессора филологии В. Ф. Берви, убежденного антиматериалиста и консерватора. Сын же, воспитанный в радикальном студенческом окружении, особенно в кружке близких к петрашевцам братьев Бекетовых, пошел совсем другой дорогой. Вернее сказать, вначале перед ним маячил тоже академический, профессорский путь. Блестяще закончив юридический факультет Казанского университета в 1849 г., Берви был направлен на службу в Петербург, в Министерство юстиции. Через 10 лет он уже был чиновником особых поручений при министре в чине надворного советника (что аналогично военному званию подполковника) и стал задумываться о профессорской кафедре в Петербургском университете, хлопоча о научной командировке в Германию на два года. Однако живой и благородный характер молодого чиновника испортил перспективу: осенью 1861 г. он участвовал в петиции к царю, в поддержку студентов Петербургского университета, пострадавших при разгоне их митинга; а в феврале 1862 г., защищая либеральных тверских дворян, не согласившихся с ограниченностью царского указа об освобождении крестьян (дворянам грозила тюрьма), Берви

отправил петиции царю, всем губернаторам России — и письмо в английское посольство. За это Берви был отправлен в психиатрическую лечебницу (судьба Чаадаева почти полностью повторилась!), а потом по суду был уволен со службы и сослан в Астрахань.

Так начались многолетние мытарства ученого, который несгибаемо продолжал — фактически легальными средствами (статьи в газетах, участие в судах в качестве адвоката, письма) — бороться на местах с юридическими злоупотреблениями властей. С героически преданной ему женой и с подраставшими детьми Берви, после еще одного суда в Казани (были обнаружены его связи с революционными кругами города), отправился в сибирскую ссылку (Кузнецк, Томск), а затем — в города Европейской России (Вологда, Тверь, Кострома). В промежутках иногда удавалось перейти в ранг «свободного» человека (но поднадзорного и не могущего жить в Петербургской губернии). Нельзя не поражаться, как в условиях холода и голода (случайные заработки были мизерными) Берви умудрялся заниматься творческой научной деятельностью. Первая его книга «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869; 2-е издание 1872 г. было запрещено и конфисковано) имела громадный успех в России и за рубежом (например, весьма положительно отозвался К. Маркс). Помимо обширнейшего фактического материала книга насыщена радикальными воззрениями автора, укрывшегося под псевдонимом «Н. Флеровский». Берви в духе будущих народников недоволен концентрацией рабочих на крупных промышленных предприятиях (это приводит к разврату, безотцовщине и т. п.), отходничеством, многомесячным отсутствием крестьянина в деревне, в семье и ратует за крестьянскую общину и нормальную семью.

Большим успехом, особенно в формировавшихся тогда народнических кружках, пользовалась и вторая книга Берви (вышла анонимно) «Азбука социальных наук» (СПб., 1871; 3-я часть книги — Лондон, 1891).

Но наиболее обстоятельно мировоззрение и утопические идеалы Берви 1870-х гг. воплощены в автобиографическом романе «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов».¹ Известно, что книга анонимно была напечатана в Женеве в 1877 г. Часть тиража имеет выходные данные: «С.-Петербург. Отпечатано в типографии В. Белогубова. 1877», но это чистая фикция, ни при какой тогдашней погоде невозможно было в России издать книгу, где описываются аресты и ссылка героев, распространение прокламаций и нелегальной литературы и т. п. Роман написан абсолютно свободно, бесцензурно — поэтому он особенно ценен.

В философском смысле автор — убежденный идеалист. Название романа содержит как бы двойной смысл: имеется в виду идеализм психологический (герои — возвышенные романтики, мечтатели, идеалисты) и идеализм философский (в основе мира, даже в неживой природе, лежит мысль, идея; мысль является причиной прогресса и усовершенствования). Наука как воплощение мысли — двигатель общественного развития. Древние религии, отражая веру людей в непоколебимые и основополагающие нравственные ценности, были источником древней цивилизации, но потом эти религии стали отставать от науки. Христианство повторило процесс, и теперь «религиозное мировоззрение людей цивилизации очутилось в полной дисгармонии с умственным развитием».² Необходимо создавать «новую человеческую расу», которая будет проповедовать «новую религию» (3, 8). «Человек, с теми свойствами, которые он унаследовал от животного и с которыми он развивался тысячелетия, исчезнет без следа и уступит место той человеческой расе, которую он должен был развить из себя — человеку органически связанного человечества» (1, 209).

В книге подробно излагаются черты этого нового. Человечество преодолет разобщенность и эгоизм (Берви считает эгоизм пережитком, идущим от «человека-животного»), поэтому резко возражает против оправдания эгоизма, в том числе и против «разумного эгоизма» Чернышевского), в мире будет господствовать солидарность и единство: нужно «заменить борьбу симпатией и гармоническим действием» (1, 189).

Берви верит, что люди «новой расы» смогут удалить все формы антагонизма и погрузиться в мир любви и солидарности: «...там, где люди чувствуют возвышенно и прекрасно, они все между собою согласны; их вражда начинается там, где начинается в них низкое и грязное» (1, 129). Любопытно, что Берви большие надежды возлагает на свое отечество. Ныне, говорит он, Россия в области науки и промышленности лишь догоняет Запад. «Но если она ступит на путь религиозного преобразования, который заменит христианскую религию такую, которая из врага науки сделается живейшим источником ее развития, положение России по отношению к цивилизованному миру изменится радикально. Из ее рук цивилизованный мир получит тогда краеугольный камень своей будущей жизни и своего будущего развития» (3, 44).

Новый религиозный человек будет скромным в потребностях, поэтому Берви несколько не сомневался в осуществлении уравнительного коммунизма. «Пусть имущество, производимое руками человеческими, разливается между людьми равно и одинаково» (3, 182). «Общество только тогда удовлетворит человека, когда его жизнь будет пикник, куда всякий принес все, что он создал своими руками, по собственному своему стремлению для общего употребления, и где всякий берет из снесенного сколько он хочет, без всякого ограничения, кроме чувства деликатности» (1, 207). Главное же у Берви — пропаганда умственных занятий и нравственной высоты: «Умственно развитые люди будут все яснее понимать, как ничтожны матерьяльные наслаждения сравнительно с умственными, а чисто умственные сравнительно с возвышенно нравственными» (3, 184).

Поэтому двойник автора студент Павел Скрипицын откровенно спорит с знаменитыми идеалами Фурье: «Когда я читаю Фурье, я вовсе не желаю наслаждаться так, как наслаждаются в фаланстере; его вечный праздник и свобода любви вовсе меня не пленяют, да я и не мог бы так жить; мне нужно мыслить, а не плясать, мне нужны восторги идей, а не поцелуи и восторги сладострастия» (1, 45).

Естественно, Берви косвенно спорит и с Чернышевским, с его четвертым сном Веры Павловны из романа «Что делать?», где тоже чрезмерно выделены пляски и поцелуи. Любопытно, что отношение к Чернышевскому в книге двойственное: с одной стороны, «между нами Чернышевский самый серьезный и светлый человек» (1, 110), а с другой — «...я увидал, что он хочет меня переделать — в настоящем моем виде я диссонанс в их гармонии <...>. Чернышевский пропагандист, он всех людей хочет сделать по-своему. Наши все таковы» (1, 110).

Берви, как и его герой Скрипицын, оказывается чуть ли не белой вороной среди «наших», он стоит скорее за постепенный переход к гармонии и «новой человеческой расе», чем за скоростную ломку. Ломать надо, вся книга говорит о желании автора изменить социально-политический строй. Более того, известная ментальность радикалов о разрушении старого мира (не забудем, что в русском «Интернационале» строку «Весь мир насилья мы разруем» быстро заменили на «разрушим») проникала и в сознание Берви: «Разрушайте и в себе, и в других те чувства и ложные воззрения на счастье, из

которых они происходят, разрушайте те учреждения, которыми они питаются. Разрушайте всюду и везде, где вы можете их настигнуть, и наследственную власть, и наследственную собственность, и безотчетное распоряжение» (3, 182).

Но в целом к революциям Берви относится очень осторожно: «Революция не может быть целью — это средство, и притом такое средство, которое всего опаснее в руках людей, не имеющих определенных и совместимых целей» (1, 110–111). Размышляя о необходимости найти вождя современного радикального движения, Берви останавливается и на личности А. И. Герцена: «Хотя Герцен и не так односторонен, как другие, но он все-таки умеет только весьма искренно бить в революционный барабан; он явно не знает, что если возможно сделать революцию для какой-нибудь партии, то совершенно невозможно сделать партию для революции» (1, 110). Из контекста следует, что под «партией для революции» подразумевается не партия, а общенародная организация, созданная на принципах всеобщей солидарности, всеобщего единства. Только такую революцию Берви принимает, а и Чернышевского, и Герцена он считает партийными в узком смысле, т. е. выразителями идей и настроений определенной, достаточно узкой группы людей. Впрочем, к групповым, партийным идеалам разного рода радикалов Берви весьма толерантен. Он с сочувствием относится к интеллигентским коммуна «шестидесятников», к хождению в народ. Особенно он уважает народников, мечтающих не о бессмысленном бунте, а о просвещении и сплывающих крестьян для судебно-законного отпора наглым экономическим притязаниям помещиков и деревенских богатеев, сочувствует практическим коммерческим делам близкого к героям книги крестьянина-рабочего Ланшакова (строит водочный завод, а потом переходит к владению постоянным двором).

Однако Берви не скрывает великих трудностей даже «мирной» пропаганды в народе, постоянно описываются аресты, тюрьмы, ссылки, ранние смерти героев. И большой трехчастный роман объемом свыше 600 страниц заканчивается описанием тяжелого физического и духовного состояния Скрипицына, находившегося в далекой сибирской ссылке: «...тяжкая, давящая боль стискивала ему сердце и не оставляла его много часов, и в те часы ни одна мысль не проскользала по его голове. Умирай, несчастный, умирай скорее, пусть скорее успокоится твоя душа» (3, 190).

Берви в отличие от Чернышевского, надеявшегося на скорейшую социально-политическую «перемену декораций», показывает, насколько труден и многолетен путь к счастью и гармонии человечества. Советские исследователи, отдавая дань замечательным трудам экономиста и социолога, даже пытаются «приподнять» его над либеральными народниками (на самом-то деле Берви очень близок к либералам во второй половине жизни), в то же время опускают его при сопоставлении с Чернышевским: «Флеровский стоял на целую голову ниже Чернышевского», разрабатывая методы борьбы с помещиками, ибо «предлагал умеренные реформы» вроде выкупа помещичьих земель и запрещения наследования.³ На самом деле и в своем крайне осторожном отношении к революции, и в скепсисе по поводу фурьеризма Берви, наоборот, стоял на голову выше Чернышевского. Любопытно ведь, что в справке III Отделения о позднем, 1890-х гг., Берви с одобрением сообщается, что он живет «особняком» от радикальных кругов «в качестве разочарованного революционера».⁴ Хотя Берви дожил до революционных бурь XX в., но, больной и немощный, он уже не участвовал в них как творческая личность. Скончался он, пригретый сыном, в 1918 г. в Юзовке (потом Сталино, Донецк).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литература о Берви очень велика, но специально этой книге посвящено всего одно исследование: *Зиновьева М. Д.* Роман В. В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» // Русская литература. 1967. № 3. С. 174–183. К сожалению, автор скована советским («марксистским») мировоззрением.

² *Берви-Флеровский В. В.* На жизнь и смерть: Изображение идеалистов. Женева, 1877. Ч. 1. С. 40. Роман состоит из трех частей, пагинация

в каждой части отдельная. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием части и страницы арабскими цифрами.

³ *Подоров Г.* Жизнь и творчество В. В. Берви-Флеровского // *Берви-Флеровский В. В.* Избранные экономические произведения: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 16–17.

⁴ Цит. по кн.: *Аптекман О. В.* Василий Васильевич Берви-Флеровский: По материалам б. III Отделения и Д.Г.П. Л., 1925. С. 146.

В. Н. Гинев

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ? СПОР БЫВШЕГО НАРОДОВОЛЬЦА ЛЬВА ТИХОМИРОВА С ВЕТЕРАНОМ НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПЕТРОМ ЛАВРОВЫМ¹

В августе 1888 г. в Париже вышла из печати брошюра «Почему я перестал быть революционером», вызвавшая большой шок в среде российских революционных эмигрантов и одновременно большое удовлетворение во властных структурах России. И неудивительно. Ведь ее автором был один из руководителей легендарной «Народной воли», бывший член ее Исполнительного комитета Лев Александрович Тихомиров, находившийся с лета 1882 г. в эмиграции.

В первых же строках своего откровения Л. А. Тихомиров заявлял, что его «скептицизм в отношении различных основ нашего революционного мирозерцания <...> пробудился уже давно» и решение перестать быть революционером вызревало у него несколько лет. Первые признаки «скептицизма» он находил у себя, правда задним числом, чуть ли не с конца 1880 г. Его отход от активной революционной деятельности усиливался по мере нарастания неудач «Народной воли» после 1 марта 1881 г. В итоге за границу в 1882 г. он уехал, хотя и «с согласия товарищей, но без всяких поручений и вообще совершенно свободный».² Некоторые обстоятельства, о которых Тихомиров рассказал в своих воспоминаниях, писавшихся во второй половине 1890-х гг. уже после возвращения в Россию, вернули его на несколько лет в деятельную эмигрантскую среду в связи с изданием заграничного «Вестника Народной воли», но известия о частых провалах в Петербурге и провинции, особенно после ареста Г. Лопатина в октябре 1884 г., возобновили и усилили его сомнения в достижении позитивных перемен в России революционным путем и ускорили коренной пересмотр прежних взглядов.

Доказывая, что это произошло не вдруг, Тихомиров привел в брошюре выдержку из своего дневника за март 1886 г.: «Я окончательно убедился, что революционная Россия,